

Утром, когда снимали лагерь, предстоящий сегодня дневной переход представлялся не слишком изнурительным и затяжным. Неширокое русло замершей и засыпанной снегом реки, прорезая густой лесной массив, плавно поднималось к подножию длинного белоснежного хребта, тянувшегося с севера на юг насколько хватало глаз. Вдали, на подходах к хребту, лес заметно редел и там, где начинались крутые склоны, резко обрывался. С места предыдущей ночёвки всё казалось таким близким, что Олег задумался о возможности устроить сегодня полудневку или, наоборот, засветло пройти перевал и заночевать уже на той стороне. Но подъём, почти незаметный на глаз, зато долгий и непрерывный, быстро выматывал своей тягучей монотонностью; снег оказался неожиданно глубоким, а не стихающий встречный ветер словно упирался в лицо ледяной ладонью, нудно выл в ушах, закручивал и швырял под ноги маленькие снежные смерчи. И сейчас, когда низкое солнце почти коснулось хребта, окрасив снег на склонах в насыщенный розовый цвет, а значит, светового дня оставалось не более полутора часов, пора было искать место для ночёвки, Олег понял, как сильно недооценил утром сложность перехода.

Сегодня весь день он тропил бессменно; при каждом шаге лыжи скрывались под снегом полностью, вместе с загнутыми носками, оставляя за собой две прямые глубокие борозды с мгновенно осыпающимися краями. Татьяна,

которая поначалу периодически порывалась подменить мужа, давно оставила эту затею и сейчас тяжело шла в нескольких шагах позади; её ритмичное, с лёгким хрипом дыхание заставляло Олега то и дело окидывать быстрым взглядом окрестности в поисках подходящей поляны.

Они подошли уже так близко к склонам хребта, что пересекли контрастную границу отбрасываемой им тени. Лес по обоим берегам реки заметно поредел, стали чаще попадаться поваленные ветром деревья. Олег остановился, чтобы подождать Татьяну, и тут же зябко поёжился: влажное от пота термобельё мгновенно прилипло к коже, неприятно холодя разгорячённое ходьбой тело. Догнав мужа, Татьяна молча встала, шумно выдохнула, слегка нагнувшись, оперлась плечами на воткнутые в снег палки.

— Устала?

— Нормально. — Высвободив правую кисть из темляка лыжной палки, она стянула покрытую блестящим инеем варежку, высморкалась в снег, с трудом распрямилась, рывком подтянула стропы плечевых лямок рюкзака. — Коленка левая побаливает чего-то. Терпимо, но неприятно.

— Давно?

Олег почувствовал лёгкий укол беспокойства: в этих краях, где до ближайшего человеческого жилища мог оказаться не один день пути, любые сложности со здоровьем, тем более влияющие на способность двигаться, грозили обернуться серьёзными проблемами.

— Как утром вышли, часа через два началось. Да ерунда это, я же говорю — терпимо.

— Ладно, коленку твою посмотрим в палатке. Всё равно пора стоянку искать — стемнеет скоро. Ты побудь здесь пока, — сказал он, скидывая рюкзак, — а я стоню налегке вон к той кривой сосне, там вроде полянка многообещающая проглядывается.

Поляна оказалась вполне подходящей: толстый рассохшийся ствол почти посередине после удаления оставшихся веток мог быть использован в качестве скамейки, окружение из невысоких, но довольно густых елей создавало хоть какую-то защиту от ветра, и, самое главное, вокруг было много сушняка, что сразу снимало проблему поиска дров. Как обычно, на полное обустройство лагеря ушло около тридцати минут. Обязанности каждого, так же как и последовательность их исполнения были чётко распределены, и к наступлению сумерек на обжитой поляне всё оказалось готово для неспешного ужина и долгожданного сна: в палатке поверх коврик были растелены два состёгнутых друг с другом для дополнительного тепла спальника; распотрошённые полупустые рюкзаки укрывались от возможного снегопада в свободном тамбуре; над ярко пылающим костром висели два небольших котелка, из которых выглядывали горки плотно утрамбованного снега; рядом с поваленным деревом прямо на снегу лежала пластиковая разделочная доска, выполняющая функции стола, и на ней оказались заранее выставлены по паре одинаковых алюминиевых кружек и мисок.

Был конец марта — на Приполярном Урале время, когда весна может лишь робко заявлять о себе короткими дневными оттепелями, но ночами мороз нередко доходит до тридцати градусов. Вот и сейчас с наступлением темноты начало быстро холодать. Ясное, усыпанное звёздами небо стали постепенно затягивать выползающие из-за горного хребта тучи. Ветер, мешавший идти весь день и вроде бы стихший к вечеру, вновь погнал мелкую колочую позёмку, зашевелил ветки елей, весело заиграл пламенем костра.

— Ночь, похоже, холодной будет. И ветер этот опять... — Татьяна зябко поежилась, плотнее кутаясь в толстый пуховик. — Слушай, давай поедим здесь, а чай пить пойдём в палатку.

— Как скажешь, — ответил Олег, — кстати, посмотри воду, макароны не пора сыпать?

Ужинали молча, — оба слишком устали сегодня, обоим хотелось поскорей покончить с заправленными тушёнкой макаронами, выпить в палатке по кружке горячего чая и залезть в широкий двойной спальник.

Надев варежку-прихватку, Олег снял с установленной на двух рогатинах палки котелок с чаем, чтобы отнести его к палатке. На мгновение замер.

Аккуратно поставил котелок на землю у костра, неторопливо выпрямился и с видом человека, пытающегося что-то разглядеть или расслышать, стал всматриваться в черноту леса за спиной Татьяны. На ночном морозе деревья время от времени издавали сухие, похожие на удар хлыста щелчки; когда случались порывы ветра, стволы под их воздействием слегка раскачивались с тихим протяжным скрипом, но ритмичный шелест приминаемого снега в сочетании с треском потревоженного кустарника сразу выделился из привычных лесных звуков.

— Ты чего?

Татьяна бросила на мужа удивлённый взгляд, потом замерла, прислушиваясь, развернулась вполоборота и, включив налобный фонарь, тоже посмотрела на высившиеся за её спиной невысокие ели.

— Идёт, что ли, кто? — спросила она тихо, но без особой тревоги. — Может, зверь какой?

— Ага, зверь, — усмехнулся Олег. — На огонёк решил заглянуть. К огню, Танюха, только один зверь идти может. Похоже, гости у нас.

Поток туристов в эти глухие места не иссякал круглый год. Зимой и весной здесь прокладывались многодневные лыжные или снегоходные маршруты; наиболее подготовленные группы осуществляли комбинированные лыжно-альпинистские туры, когда после перехода на лыжах через тайгу проводилось восхождение на одну из невысоких, но технически сложных вершин. Для любителей мрачных тайн и острых ощущений особым шиком считалась ночёвка на печально известном перевале Дятлова. Летом каменистые склоны, тошkie болота и быстрые реки предоставляли богатые возможности для джиперов. Поэтому, в какую бы, казалось, глушь ты ни забрался, вероятность встретить группу туристов, хоть и небольшая, но существовала всегда.

Повода для беспокойства не было, Олег лишь невольно отметил две странности. Судя по звукам шагов, раздающимся уже совсем близко, к ним приближался один человек, что само по себе было необычно: турист-одиночка в этих краях зимой выглядел бы полным экстремалом. И человек этот шёл ночью через лес без включенного фонаря, свет которого в не слишком густом лесу они бы заметили ещё раньше.

Ветви ближайшей ели дрогнули, сбросив с себя каскад сверкающего инея, и в круге света от костра безмолвно возникла гигантская, как в первый момент показалось обоим, человеческая фигура. Незнакомец замер, опираясь на лыжные палки, и стало понятно, что никакой это не сказочный великан, а просто человек очень высокого роста.

— Вечер добрый туристам. Физкульт-привет, как говорилось в достопамятные времена, и приятного аппетита, — не сказал, а провозгласил он, будто видел перед собой не двух человек, а большую группу давно и с нетерпением ожидающих его людей.

У него был звонкий и неожиданно высокий для такой внушительной комплекции голос.

— К огоньку погреться пускают? Может, и чайком угостят путника?

— Здравствуйте. Да, конечно, присаживайтесь.

Татьяна подвинулась, освобождая около себя место на бревне. Но гость не спеша отстегнул лыжи, степенным шагом обогнул костёр, прислонил лыжи к тому же дереву, у которого уже были воткнуты в снег две другие пары, взял из кучки напильных для костра дров самый крупный чурбак, основательно установил его в снег недалеко от огня, снял с плеч небольшой рюкзак, бережно поставил его у ног и, наконец, уселся на своё импровизированное сидение, широко раскинув полы длинного полушубка. Он оказался прямо напротив Олега и Татьяны, и в свете пламени его теперь можно было хорошо рассмотреть.

Полушубок с овчинным воротником — безусловно, тёплый, но, на взгляд Олега сильно сковывающий движения и совершенно не подходящий для лыжных походов; толстая вязаная шапочка низко надвинута на глаза, а нижняя часть лица сплошь покрыта чёрной, с основательными седыми вкраплениями бородой; плотные, очевидно, ватные штаны почти до колен скрыты

под гамашами, из-под которых выглядывают старые, под давно устаревшие крепления лыжные ботинки. Он был очень широк в плечах, и казавшийся необъятным полушубок лишь усиливал это впечатление. Из-за того, что лицо гостя почти полностью скрывалось под бородой и шапкой, определить его возраст, хотя бы примерно, было затруднительно. Только сеть мелких морщин, разбегавшихся от глаз к вискам, могла свидетельствовать о том, что сидящий у костра человек уже очень не молод.

— Ну, молодёжь, и как вас звать-величать? — спросил гость, расстёгивая клапан рюкзака и извлекая на свет деревянную, покрытую снаружи какой-то замысловатой резьбой кружку.

Разливая из котелка чай по трём кружкам, Олег представил себя и Татьяну.

— Издалека в наши края?

— Из Москвы.

— Да ну, — вытаращил глаза незнакомец. — Неужто прямо из столицы? Далече ж добирались. А в заповедник-то входили, поди, и не отметились?

— Нет, — смущённо ответила Татьяна.

Она не собиралась объяснять, что на плате за проход по Национальному парку Юдыг-ва они с Олегом просто решили сэкономить, и начала было говорить что-то про тяжёлую заброску и нехватку времени, про большой крюк и неудобное расположение администрации, но гость её прервал:

— Это нехорошо, — осуждающе произнёс он, отхлёбывая чай из своей необычной кружки. — Разве ж можно не отмечаться? Теперь, случись с вами чего, когда ещё хватятся, когда искать начнут?

Наступившая после этих слов тишина словно подчеркнула зловещий смысл последней фразы.

— Ну, и далее путь держите? — после небольшой паузы спросил гость.

Олегу разговор категорически не нравился. Несмотря на участливый и доброжелательный тон собеседника, он не мог избавиться от ощущения пристрастного допроса, ему казалось, что незнакомец сейчас хладнокровно изучает двух повстречавшихся ему туристов, что, прикрывшись показным добродушием, оценивает какие-то одному ему известные плюсы и минусы, чтобы, возможно, принять какое-то решение. Поэтому, дождавшись, когда Татьяна объяснит, в каком примерно месте они планируют закончить маршрут, Олег решил, что пора уже задавать вопросы самому.

— А вас, простите, как зовут?

— Меня-то? — простейший вопрос, казалось, ввёл незнакомца в короткое замешательство. — Так, это... Григорием кличут. Ага. Гришей, значит. А вы, ребята, как я погляжу, опытные путники, — вон, и палатка у вас какая-то новомодная, я и не видал таких. Много ходите, наверно? А в наших краях бывали уже?

Палатка. Олег посмотрел на палатку, перевёл взгляд на рюкзак Григория. Рюкзак современный, не китайский "по name", а хорошего бренда. Только слишком маленький — не больше двадцати пяти литров. Рюкзак для прогулки выходного дня, но никак ни для зимнего похода в условиях Приполярного Урала, в него не влезет ни палатка, ни хороший зимний спальник, не говоря уже о массе других не менее необходимых вещей.

— Да, ходим много, — рассеянно сказал Олег с видом человека, думающего о чём-то своём. — На Урале впервые. Скажите, Григорий, а вот вы всегда по лесу ночью без фонаря ходите? Мне кажется, это не совсем удобно.

— Фонарь-то? — удивлённо переспросил гость. — Так он мне вроде как и без надобности. Иду и иду себе, чай, не заблужусь.

— А как же кустарник, завалы, ямы, овраги крутые, наконец?

— А, ты об этом? — усмехнулся Григорий. — Так этого, Олежек, те опасаются, кто в Парме чужой. Вот ты, к примеру — аж из самой Москвы приехал к нам, потому что лес любишь, ходил вон, говоришь, много в местах разных, а только, прости меня великодушно, всё одно чужой ты здесь. И Парма тебе чужая. А мне она — родная, мне она худого не сделает. Так-то вот.

— Ну-у, понятно, — с сомнением протянул Олег. — А вы ведь, я так понимаю, где-то здесь недалеко остановились? — и он выразительно посмотрел на маленький рюкзачок Григория.

— Ага, недалеко вроде. Здесь везде недалеко. Это ведь, Олежек, как посмотреть, что далеко, а что нет. Я и не думаю об этом, хожу себе, и всё. Людей иногда хороших встречаю. Сегодня вот вас встретил.

Выслушав столь путанный ответ, — если это вообще можно было назвать ответом, — Олег сосредоточился, восстанавливая в памяти карту местности с мельчайшими подробностями. Перед походом он досконально изучил весь маршрут — по бумажным картам, по картам GPS, по туристским схемам; еще сегодня утром он прокладывал трек дневного перехода на навигаторе, лежащем сейчас в рюкзаке под грудой тёплых вещей, чтобы сохранить батарейки. И он решительно не помнил наличия в ближайших окрестностях ни деревень, ни вахтовых посёлков, ни кордонов егерей — ничего, кроме пары заброшенных рудников. Даже ближайшее поселение манси находилась километрах в пятидесяти к северу.

И посередине этого глухого края поздним вечером, в пятнадцатиградусный мороз к ним из лесу выходит человек с маленьких пикниковым рюкзачком, в явно не подходящей для длинных переходов одежде, который задаёт вопросы, ничего при этом не рассказывая о себе (даже собственное имя смог назвать после небольшой заминки), и вообще кажется не совсем адекватным.

Олег отвлётся от своих мыслей и прислушался к неторопливому разговору, который Татьяна вела со странным гостем.

— Человечишко маленький, что твой клоп, слабый, пугливый, а гонору-то, гонору! — вещал Григорий. — Городов понастроил, самолётов-ракет всяких, повелителем всего живого объявил себя. Загадил всё, хуже зверя сделался, а в храмы ходит, всё спасения себе ищет. А земля-то терпит покуда, только ненадолго терпения того осталось. Придёт день — сбросит она с себя всё племя гнилое, нечистое, как одеяло какое пыльное да плесневелое. Никому, кто землю позабыл, оторвался от неё в гордыне своей неуёмной, — никому спасения не будет.

— Вы, я полагаю, надеетесь спастись? — с лёгким сарказмом спросила Татьяна.

— Я — нет, — очень серьёзно произнёс Григорий. — На мне, девочка, грехи такие — ни в лесу, ни в храме не отмолить. Я спасения не ищу, — торжественно, с пафосом объявил он. — Да и не обо мне речь. Человек по земле ходит, а не видит её, в потёмках духовных мается, гордыней мучается, греха боится, да сам его плодит.

“Дяденька явно не в себе, — подумал Олег. — Однако время почти десять, давно пора отбиваться, завтра переход длинный. А этот куда денется? Идти ему с его-то снаряжением на ночь глядя точно некуда, хоть и говорит, что без фонаря обходится. Сказать, что мы ложимся, оставить у костра? Неудобно, не делается так. Пригласить в палатку? Вот радость — спать рядом с этим лесным чудом. Да и как он спать будет — ни коврика, ни спальника? А может, всё-таки есть ему куда пойти? Может, место у него какое-нибудь поблизости — палатка или даже хижина? А если бы он нас не встретил? Куда-то же он шёл”.

— Скажите, Григорий, у вас ведь где-то поблизости, наверно, и место для ночлега есть? — спросил Олег и тут же смутился, сообразив, какой недвусмысленный намёк прозвучал в его вопросе.

— А и то верно, — легко сказал Григорий, — засиделся я чего-то. Пора мне, пойду, пожалуй.

— Погодите, — слегка засуетился Олег, — я не имел в виду... Я просто хотел спросить, далеко ли вам добираться. А то, может, останетесь?

Олег, прошедший десятки походов по сложным и труднодоступным местам и, казалось, намертво усвоивший неписанный кодекс туриста, определяющий действия людей в возможных нестандартных ситуациях, даже в мыслях не допускал такой дикости — ночью в зимнем лесу прогнать от костра одинокого путника.

Но Григорий, что-то неразборчиво бормоча себе под нос, убрал кружку, закинул на плечи рюкзак, сноровисто надел лыжи.

— Скажите, вам действительно недалеко? — поддержала мужа Татьяна. — Может, всё-таки нет смысла идти ночью?

— Я ведь говорил вам уже, — с хитрым прищуром произнёс Григорий. — Мне в лесу везде недалеко.

— А знаете, у нас ведь фонарик налобный есть лишний, мы всегда берём с собой запасной. Может, возьмёте?

— Вы вот что, — сказал Григорий неожиданно строгим голосом (Олег заметил, как часто он меняет тон своих речей), — посуду и котелки под тент прибрать не забудьте. К утру пурга начнётся сильная, заметёт — не откопаете. А по поводу фонаря, — он опять ухмыльнулся чему-то, постоял, словно в раздумьях, потом снял рукавицу, расстегнул верхнюю пуговицу полушубка, запустил руку за пазуху и извлёк наружу какой-то маленький предмет, висевший у него на шее. — Подите-ка сюда оба, так и быть, дам глянуть.

Олег с Татьяной поднялись, обошли костёр, с неожиданной для обоих робостью приблизились к Григорию и, невольно вытянув шеи, посмотрели на протянутую к ним ладонь.

На ладони лежала плоская деревянная дощечка ромбовидной формы, в верхнем углу которой было просверлено отверстие для тонкого кожаного шнурка. Из самого центра дощечки выступала искусно вырезанная медвежья морда. Медведь был изображён в крайне агрессивном состоянии, очевидно, в момент нападения или готовности к схватке: хищный оскал полуоткрытой пасти обнажал ровный ряд очень реалистично выполненных зубов и длинных, чуть изогнутых клыков. В костре стрельнуло полено, выбросив язык пламени и густой рой красных искр. Короткий алый отблеск на одно неумолимое мгновение будто вдохнул в деревянного зверя жизнь: вдруг показалось, что пасть раскрылась чуть шире, а в мёртвых глазах мелькнула неподдельная ярость. Олег почувствовал секундный озноб, машинально сделал короткий шаг назад.

— О, видали? — с гордостью сказал Григорий. Сейчас он был похож на школьника, который на перемене хвастается перед сверстниками подаренным родителями сокровищем — новым навороченным мобильником или крутыми часами. — Оберег древних вогулов. У меня их несколько разных, на все, можно сказать, случаи. Этот вот всегда в Парму с собой беру, с таким спутником ничего не страшно — из любой чащи выведет и в обиду никому не даст. А ты говоришь — фонарик, — насмешливо покосился он на Татьяну.

— А-а, ну понятно тогда, — миролюбивым успокаивающим тоном, каким принято говорить с душевнобольными, произнёс Олег. — Тогда, оно конечно...

Пока Григорий бережно прятал свой амулет за пазуху, Олег с Татьяной отошли обратно к бревну, но садиться не стали, словно решив стоя проводить важного гостя. А сам гость, натянув варежку и продев кисть руки в темляк лыжной палки, вновь резко поменял образ, превратившись из восторженного хвастунышки в строгого наставника.

— Да, ребятаки, вот ещё что скажу вам, — сурово проговорил он. — Вы завтра, как с перевала спуститесь, сразу вправо, на север то бишь, круто не забирайте. Болота по той стороне тошkie тянутся версты три вдоль хребта. Так вы сперва по прямой пройдите, а как ельник начнётся, тогда уж и поворачивайте с Богом. Понятно — крюк выйдет, да спокойней так-то.

— Какие болота — зима же? — удивлённо спросил Олег. — Да и маршрут на схеме на север ведёт сразу за перевалом.

— Зима зимой, а оттепели днём случаются уже, — сказал Григорий. — И говорю вам: болота те нехорошие. Плохие болота-то. Место там плохое. Обойдёте, как я говорю, — дальше путь вам хороший будет.

Ничего больше не сказав и не попрощавшись, он оттолкнулся палками, нагнулся, пропуская над головой пушистую ветку ели, и, выйдя из круга света, быстро исчез в темноте.

Олег с Татьяной некоторое время стояли молча, слушая быстро удаляющийся скрип снега под лыжами нежданного гостя.

— Странный персонаж, — задумчиво произнёс Олег. — Пришёл ниоткуда, ушёл в никуда. Ладно, — он нагнулся, снимая с затухающего костра котелок. — Давай приберём всё тут, слышала — пургу обещали.

— Ты ему веришь?

— Да чёрт его знает. Скорее нет, чем да. С головой у него, во всяком случае, явно не всё в порядке. А может, просто одичал тут, в лесу. Наверно, хижину соорудил где-нибудь поблизости и шастает по окрестностям, с турьём общается. Слушай, — Олег, будто озарённый внезапной догадкой, застыл с котелком в одной руке и двумя мисками в другой. — А может, он того... ну, с перевала Дятлова, — Олег сделал круглые глаза, заговорил быстро, будто спеша озвучить оригинальную версию до того, как оппонент начнет возражать. — А чего, тут недалеко. Представляешь, обитает где-нибудь на самом перевале или около, энергией всякой таинственной подпитывается, души свежие себе ищет среди турья легковёрного.

Олег любил иногда подшутить над слишком впечатлительной супругой, но на этот раз шутка не удалась.

— Ладно тебе болтать, — устало сказала Татьяна, направляясь к палатке. — Сейчас шмотки распахую, через пару минут можешь залезать.

Процедура отхода ко сну оказалась, как всегда, короткой, но довольно неприятной: нужно было раздеваться до термобелья и залезать в лебяжий спальник. Ботинки, предварительно очистив их от снега, положили в ногах внутри спальника, иначе к утру так одереveneют, что их будет не надеть, тёплыми куртками укрылись сверху, свитера свернули и засунули под голову в качестве подушек.

Но беспокойная шуршащая возня, наконец, прекратилась, Олег погасил подвешенный к потолку палатки фонарь и затащил под самое горло молнию спальника. Через несколько минут, когда по телу уже растекалось долгожданное тепло, а тихое, с чуть слышным сопением дыхание Татьяны стало медленным и ровным, он вдруг встрепенулся:

— Танюх, слышь? Мы же коленку твою посмотреть собирались. С чудаком этим забыли совсем. Если болит, давай намажем, у нас есть чем. А, Танюх?

В ответ раздалось сонное бормотание, из которого он смог уловить нечто похожее на “поболело чуть... прошло всё уже... спи... завтра”. Мелькнула короткая мысль, что надо бы настоять — проблемы с ногами в таком походе совсем ни к чему, но, представив себе, как он расстегивает спальник, вылезает из него, лезет в тамбур палатки, копается в рюкзаке и достаёт аптечку, Олег с готовностью вспомнил народную мудрость про утро, которое мудренее вечера, и спокойно расслабился.

Ему приснился на редкость яркий и красочный сон. Он как будто пережёсся во времени и вновь проживал события нескольких последних дней. Шумная духота плацкартного вагона поезда Москва — Воркута; заснеженная, продуваемая ледяным ветром станция Инта с длинной вереницей гружённых углем вагонов; мощный “Урал”-вахтовка, в просторном кунге которого они с Татьяной с хохотом цеплялись за всё подряд, чтобы не летать от борта к борту из-за чудовищной болтанки на бездорожье; монументальные панорамы грозных белых хребтов, от которых захватывало дух при первом же взгляде; три предыдущие ночёвки — у подножья невысокой горы, на берегу окруженного горами озера и у русла замёрзшей реки — все эти картинки, плавно сменяя друг друга, выглядели удивительно красочными и неправдоподобно контрастными. Потом он увидел их сегодняшнюю стоянку, и из чащи вышел странный и немного страшный лесной человек. Во сне Григорий не задавал вопросов и не произносил речей, а просто встал у огня, не снимая лыж, поглядел на Олега долгим взглядом, укоризненно покачал головой и так же молча ушёл в лес. С его уходом всё вокруг почему-то быстро скрылось за абсолютной непроницаемой чернотой: Олег больше не видел ни деревьев, ни палатки, ни Татьяны — ничего. Он не испытывал страха, только удивление — отчего так быстро погас костёр.

Он понял, что лежит с открытыми глазами и, словно в продолжение сна, таратится в окружающую его сплошную темень. Рядом мирно посапывала

Татьяна. Олег нащупал язычок молнии, слегка потянул его вниз, осторожно вытаскивая из спальника левую руку, поднёс запястье к лицу. Светящиеся стрелки показывали половину девятого — очень поздно в условиях любого, тем более — зимнего похода, где всегда принято рано ложиться и вставать. Они спят слишком долго, но не это поразило его ещё не страшившее сон сознание. В это время уже должно быть светло, даже в пасмурное утро стенки палатки пропускают достаточно света, чтобы без проблем различать окружающие предметы.

Олег рывком расстегнул спальник до конца, резко сел. Потревоженная Татьяна что-то сонно пробормотала, переворачиваясь на другой бок. Напрягая зрение, он таращился в темноту, безуспешно стараясь разглядеть в ней хоть малейший просвет, хоть намёк на пробивающийся снаружи свет. Он медленно вытянул вперёд руку. Пальцы коснулись холодного и чуть сырого материала. Не в состоянии больше сдерживать подступающую панику, он сжал кулак и сильно ударил в стенку палатки. Послышался протяжный шорох, и он увидел, наконец, узкую полоску сумрачного серого света. Через секунду он уже всё понял, но не смог остановиться и ещё несколько раз резко хлопнул по стенке ладонью, и каждый хлопок сопровождался шорохом съезжающих по внешнему тенту пластов снега, и в палатке становилось всё светлее.

— Э, ты чего? — услышал он удивлённый голос жены.

Поворачиваясь назад, он задел носом подвешенный к потолку палатки фонарь, который всё это время был в сантиметре от его лица, тупо уставился на него, потом с облегчением рассмеялся и повалился на спальник.

— Ничего. Вставать давно пора, время полдевятого. Ещё откапываться придётся. Завалило нас — накамтал всё-таки шаман вчерашний.

Спуск с перевала по западному склону, как и ожидалось, оказался совсем несложным: они просто скользили на лыжах вниз, легко объезжая немногочисленные обрывы и места с крутым уклоном. Развить опасную скорость тут было невозможно из-за того, что лыжи очень глубоко погружались в снег, и катание доставило бы одно удовольствие, если бы не режущий ледяной ветер.

На этой стороне растительность у подножия хребта оказалась значительно бедней: только невысокие хилые деревца, растущие редкими группами, да кое-где пробивающийся из-под снега чахлый кустарник. Было очень похоже на то, что летом тут расстилается большое болото. Лишь дальше к западу, там, где местность вновь забирала вверх, плавно поднимаясь к отрогам высокого скалистого кряжа, виднелась голубоватая полоса хвойного леса.

Они сделали короткий привал, и пока Татьяна извлекала из рюкзака нехитрую закуску, Олег разложил на снегу западную в целлофан карту-километровку и включил GPS с заранее проложенным треком маршрута.

— Сразу на север пойдём? — как бы между прочим спросила Татьяна.

— Конечно. По всем описаниям зимой это лучший путь.

— Вообще-то Григорий этот вчера говорил...

— А лесные эльфы тебе вчера ничего не говорили? — ворчливо перебил Олег. — Не указали дорогу в обход проверенных маршрутов? Не сходи с ума, тут прошли десятки групп, этот путь нанесён на всех схемах лыжных походов. Ты посмотри туда, — он показал рукой на запад. — Там дальше опять подъём начинается, сначала будем вверх корячиться, потом повернуть придётся и через лес сплошной двигать. Это пол ходового дня займет, а сил сколько? У нас нет лишнего времени, ты же помнишь — даже резервного дня на погоду в этот раз спланировать не удалось.

— Не знаю, — с сомнением в голосе сказала Татьяна. — Мужик этот странный, конечно, но что-то в нём мне показалось такое... Не знаю, как сказать...

— Вот будешь знать — скажешь, — отрезал Олег. — Мы идём на север.

Татьяна поняла, что муж впал в хорошо знакомое ей состояние “Я сказал — всё!”, переломить которое ей ещё ни разу не удавалось.

— Хорошо. Тогда я буду первая тропить.

Ей вовсе не улыбалась перспектива прокладывать лыжню в глубоком снегу, но хотелось хоть в чём-то не уступить Олегу, который крайне неохотно пускал её вперёд в этом походе.

— Как договаривались: полчаса — я, два часа — ты.

После выхода с привала прошло пока не больше десяти минут, а Олегу уже казалось, что Татьяна идёт как-то слишком тяжело. К тому же было ощущение, что движения её левой лыжи получаются чуть короче, чем правой. Он мысленно выругал себя за то, что в суматохе утренних сборов вновь поверил её уверениям в нормальном самочувствии, и дал себе слово заставить её показать ногу на первом же привале. А пока решил выждать ещё минут пять, чтобы не так явно ущемлять её самолюбие, и потребовать поменяться местами.

Ему показалось, что Татьяна вдруг стала меньше ростом. Он увидел, как её правая нога исчезла в снегу по самое бедро, она взмахнула палкой, машинально откидываясь назад, села в снег и тут же стала медленно погружаться уже обеими ногами. Послышался жирный чавкающий звук и через мгновение отчаянный крик:

— Олежа!!!

Не более трёх секунд потребовались ему на то, чтобы сорвать с плеч рюкзак и отстегнуть лыжи. Он побежал, огибая Татьяну по дуге, чтобы очутиться с ней лицом к лицу. Немного не добежав до неё, распластался на снегу, боясь, что лёд около образовавшейся проруби провалится и под ним, вытнувшись обе лыжные палки темляками вперёд.

— Просунь руки! Держать! Держать крепко!

Вцепившись в ограничители палок, он изо всех сил потянул их на себя.

— Не получается! Внизу засосало, ног не оторвать!

— Спокойно! Рюкзак! Сними рюкзак!

Татьяна отцепилась от палок, растегнула поясной ремень рюкзака, оказавшийся уже под водой, извернувшись, с трудом освободилась от плечевых лямок, локтями постаралась отпихнуть рюкзак назад, чтобы он оказался за пределами полыни.

— Хорошо. Теперь одной рукой держись за палки, другой попробуй дотянуться до креплений. Постарайся всё-таки согнуть ногу, чтобы достать. Сможешь?

Олег уже понял, что самого страшного не случится: болото оказалось неглубоким и Татьяну больше не засасывало. Вцепившись в палки, он окидывал быстрым взглядом ближайшее пространство, выскивая всё, что может пригодиться для быстрого розжига костра.

Татьяна, погружившаяся по пояс, ещё пригнулась к воде, запустила вниз руку до самого плеча.

— Холодно, Олежа, — жалобно выкрикнула она.

— Знаю, Танюш, знаю. Потерпи. Сейчас вытащим тебя — и сразу греться. Ты только лыжи отстегни, очень прошу тебя, с лыжами мне тебя не вытащить... мешать будут, не выйдут из полыни.

— Левую вроде отстегнула, а правую засосало.

— Дергай ногой, дергай сильнее, чтобы вытащить или сломать.

Он не решался подойти к ней вплотную, боясь, что кромка полыни провалится под ним, и лежал на расстоянии вытянутых рук и палок. Однако, поняв, что лежа сильно тащить не получится, он встал на колени и резко дёрнул палки на себя.

— Давай, Танюш, вместе, я дёргаю — ты толкаешься ногами. И-и, раз!

— Олежа, правая, кажется, пошла. Точно пошла!

Она оперлась грудью на кромку, и из воды показалось левое колено, которое она смогла забросить на лёд.

— Умница! — азартно крикнул Олег. — Давай ещё раз.

Он изо всех сил потащил на себя палки, Татьяна медленно выползала на снег, последней из воды показалась её правая нога с коротким обломком лыжи.

Олег уже давно заметил метрах в ста от них место, выглядевшее подходящим. Небольшой бугор резко выделялся среди окружающей ровной поверхности, — очевидно, летом это был маленький островок посреди

болота, — на котором росло несколько деревьев; одно из них было сломано почти у основания и, насколько можно было судить с такого расстояния, сломалось давно и успело основательно засохнуть. Он помог подняться на ноги Татьяне, которую била крупная лихорадочная дрожь, накинул на себя рюкзак.

— За твоим потом вернусь. Так, сейчас очень быстро за мной — след в след.

С одной стороны к рюкзаку был пристёгнут топорик с лезвием, закрытым кожаным чехлом, с другой — довольно широкая лопата с короткой пластиковой ручкой. Олег выхватил топор и крикнул Татьяне, которая, как только они добрались до островка, встала, обхватив себя руками, трясясь и непрерывно тихо подвывая:

— Не стоять! Бери лопату — рой яму для костра!

Он бросился к сломанному дереву, стал быстро обрубать сучья. Когда он вернулся к Татьяне, она стояла на коленях и медленно, словно в полусне, разгребала лопатой снег. Увидев, что на дне вырытой ямы уже показалась земля, Олег, яростно кромсавший топором кусок сухого ствола, scomандовал:

— Всё, нормально. Теперь раздевайся. Быстро. Комбез снимай, ботинки, термобельё — всё мокрое.

Через несколько минут Татьяна сидела у костра на рюкзаке Олега, протянув к огню покрасневшие ладони. На ней был надет пуховик мужа, на ногах — шерстяные тренировочные штаны, которые она захватила с собой, чтобы дополнительно надевать ночью в случае экстремальных температур. От босых ног, максимально приближенных к огню, исходил лёгкий пар. Более густой пар валил от просыхающих у огня вещей: ботинок, надетых на воткнутые в снег ветки, куртки и комбинезона, растянутых с помощью лыжных палок. Рядом стояла металлическая фляжка, наполненная коньяком, которую она периодически подносила ко рту всё ещё трясушимися руками. Над огнём шумел закипающей водой котелок.

Олег вернулся к костру после очередного рейда за дровами, которые приходилось добывать малыми партиями на соседних островках.

— Как нога?

— Сейчас почти не болит, — сказала Татьяна и виновато добавила: — Больно, только когда иду. Я думала — пройдёт. У меня уже было так тогда, в Хибианах, и в Саянах тоже. В первые дни болело немного, потом проходило. Я не хотела говорить, потому что ты решил бы вернуться, а мы столько лет мечтали здесь пройти, я надеялась — отпустит, как раньше отпускало. А сегодня ещё такое ощущение появилось, будто какой-то предмет в коленке посторонний, большее стало.

— У тебя мениск воспалился, — мрачно сказал Олег. — Почти наверняка операция потребуется. Дело за малым — добраться до того места, где эту операцию сделают.

Он сразу всё понял ещё в тот момент, когда Татьяна стащила с себя промокшее насквозь термобельё, и взгляду открылось распухшее до пугающих размеров колено левой ноги. Для очистки совести колено намазали гелем от боли в суставах, но оба понимали, что эффект от такого лекарства может быть скорее психологическим.

Всё время, пока Олег добывал дрова, ставил палатку, ходил за рюкзаком Татьяна, он малодушно отгонял от себя мысли об их теперешнем положении, решив всё основательно обдумать и принять решение в спокойной обстановке, когда устроит Татьяну у костра и поставит лагерь. Сейчас он тщательно изучал карту, и от результатов этого изучения становился всё мрачней. До конца намеченного маршрута оставалось больше семидесяти километров — немыслимое расстояние с учётом больной ноги и отсутствия лыж у Татьяны. Точка, которая могла внушать хоть какую-то надежду, обозначалась на карте как посёлок вахтовиков, и до неё было километров двадцать. Даже в их теперешнем положении это расстояние представлялось вполне преодолимимым, но два обстоятельства вызывали серьёзное беспокойство. Во-первых, в посёлке вполне могло никого не оказаться (карта не новая, а многие подобные посёлки давно заброшены); во-вторых, путь к нему лежал через очередной скальный хребет, который виднелся на западе и преодолеть который, судя по

схеме можно было только через категорийный перевал. Олег прочёл информацию об этом перевале в распечатке описания маршрутов: в зимних условиях там ему была присвоена категория 2А. Он не знал, смогут ли они пройти такую категорию без альпинистского снаряжения и с учётом состояния Татьяны, но поскольку альтернативы не просматривалось, он решил сосредоточиться на этом варианте. Теперь самое время подумать о том, как им предстоит двигаться. Для Татьяны придётся соорудить какие-то волокуши; Олег окинул взглядом группу чахлых берёз и почувствовал себя слишком уставшим для того, чтобы решать сегодня ещё и эту проблему. Он сложил карту, бережно убрал её за пазуху.

— В общем, Таниох, ситуация у нас с тобой неприятная, но вовсе не смертельная, — бодро объявил он. — Километрах в двадцати отсюда — вахтовый посёлок, у них точно есть связь и, скорее всего, вездеход. Завтра сооружу тебе санки, прокачу с ветерком. Правда, перевал один на пути, не очень сложный, думаю — пройдем без проблем. Но, на всякий случай, с этого момента объявляется режим экономии продуктов, так что, хоть дальше и на санках, как барыня, покатишь, жирок нагулять не надейся. Сегодня, в честь твоего феерического купания, так и быть, баночку тушёнки прикончим на ужин целиком. С утра, пока буду волокуши мастерить, разложись продукты по порциям, я скажу — как. Ну, что там твои шмотки? О, почти высохли.

Ночь прошла беспокойно и потому казалась бесконечно длинной. Татьяна то и дело заходила сухим наждачным кашлем, Олег каждый раз просыпался и потом долго не мог заснуть, лежал с открытыми глазами, слушая тихий посвист ветра в растяжках палатки и мягкие шлепки наружного тента. Он думал об их с женой ближайшем будущем: о том, как завтра впервые в жизни будет пытаться соорудить какое-то подобие санок; о том, как они полезут на перевал и, главное, как смогут с него спуститься; о том, насколько сильно простудилась Татьяна и помогут ли принятые ею лекарства; о десятках километров тайги вокруг и о долгом и мучительном пути до ближайшей больницы. Олег понял, что заранее боится наступающего дня и всего, что он с собой принесёт. Лишь под утро он забылся тяжёлым, похожим на глубокий обморок сном.

Выплывал он из этого сна медленно и неохотно; он очень хотел спать, но что-то настойчиво стучалось в сознание, вызывая смутное беспокойство и разгоняя блаженную дрему. Он не сразу понял, что это недавно возникшие, доносящиеся откуда-то посторонние, хоть и хорошо знакомые звуки. Он слышал частое потрескивание, очень похожее на потрескивание жарко разведённого огня. Олег понимал, что костру просто неоткуда взяться, и сначала принял это за игру сонного воображения, но вдруг услышал скрип снега под чьими-то ногами, тупой удар и сразу за ним хруст разламываемого полена и проснулся окончательно. Снаружи горел костёр, и кто-то рубил дрова.

Олег быстро вылез из спальника, расстегнул молнию внутреннего входа, нырнул в тамбур, дёрнул вверх язычок ещё одной молнии, резко откинул внешний полог и высунул голову наружу.

Утро было тихим и пасмурным. Несильный ветерок, поддувавший с вечера, окончательно стих, низкие серые тучи тяжело нависли над чёрно-белым безжизненным пейзажем, скрыв вершины горного хребта. Высокое гудящее пламя жадно лизало подвешенный над костром котелок. Григорий сидел у огня, неторопливо ворошил длинной палкой раскалённые угли. Рядом с ним лежала аккуратная вязанка коротких поленьев, которую он явно не смог бы собрать на этом болоте. Он повернул голову, посмотрел на удивлённое лицо Олега.

— А, Олежа, — приветливо сказал он. — Проснулся? И то хорошо, пора, я уже будить вас собирался. Ты, давай-ка, барышню свою поднимай, некогда залёживаться, путь нам сегодня хотя и недалёкий, да ходок из неё нынче аховый, с её-то ногой, поспеем ли? Я так смекаю, аккуратно засветло должны добрести.

Он вёл себя так, будто в его появлении здесь не было ничего необычного, будто просто один из участников группы, назначенный вчера дежурным по лагерю, встал раньше остальных, разжёг костёр, занялся приготовлением

завтрака и решил разбудить товарищей в условленное время. Обалдевший Олег смог выдать из себя лишь невнятное “Ага” и мгновенно скрылся в палатке.

— Чего там? — спросила проснувшаяся Татьяна.

— Одевайся. Шаман пришёл.

— Шаман? Григорий, что ли? Вот здорово!

— Здорово, не здорово — посмотрим, — ворчливо проговорил Олег, хоть и сам почувствовал сейчас некоторое облегчение и возродившуюся надежду. — Он, похоже, знает всё, что с нами произошло, и мне это не очень нравится.

Он быстро оделся и вылез из палатки. Подойдя к костру, он увидел приклонённые к стволу ближайшего дерева довольно широкие и, сразу видно, добротно изготовленные сани-волокуши. Они были сделаны из деревянных продольных и поперечных перекладин, обшиты сверху грубым брезентом, к передней поперечине крепился длинный кожаный ремень. Не отрывая взгляда от саней, Олег спросил осипшим вдруг голосом:

— Откуда вы знаете про ногу?

Григорий помолчал, задумчиво глядя на костёр, потом заговорил, и ответ его, по обыкновению, оказался путанным и ничего не объясняющим:

— Ты, Олежка, прости великодушно, глупый ещё. Шумный и суетливый, что птенец неоперившийся. Скорлупу себе придумал, от людей в ней спрятаться хочешь. Думаешь: кто от людей закрылся — тот сильный. А силу, Олежек, в скорлупе не накопишь, силу только от людей и можно получить. Но Парма приняла вас. Простила и приняла. Редкий случай. Я так полагаю, — продолжил он задумчиво после короткой паузы, — это из-за сужающей твоей — Тани. Душа у неё открытая, Парма любит таких. Любит и хранит.

Он по-прежнему смотрел на огонь, глаза его шурились от дыма, и от этого разбегающиеся от них складки морщин стали ещё глубже.

— Хорошо, — сказал Олег устало, с едва заметной ноткой обречённости. — Не хотите говорить — не надо. Скажите хоть, куда это мы должны к вечеру добрести?

— Да человек тут один живёт недалече, — охотно пояснил Григорий. — Вроде егеря он, что ли. Хороший человек. Он вас, думается мне, пристроит пока — Таню сейчас по Парме таскать не дело, — а там, глядишь, и машину какую за вами вызовет.

— У меня на карте кордона егеря поблизости нет.

Григорий поднял на него глаза, в которых промелькнула лукавая смешинка.

— На твоей карте, Олежка, много чего нет. Ох, много.

Им пришлось вновь переваливать через хребет, который они прошли вчера, только в обратном направлении, и сделали они это значительно севернее, по пологому “скотопрогонному” перевалу. Потом долго накручивали петли по очень извилистому руслу неширокой реки (Григорий сказал, что “напрямки оно, конечно, короче бы вышло, да больно уж буреломы там дремучие, с санками не пробраться”) и вышли к окружённому тайгой озеру. Там сделала большой привал с перекусом, пересекли озеро и вновь углубились в лес, плавно поднимавшийся к подножью отдельно стоящей горы со спрятанной в низких облаках вершиной.

Григорий тропил лыжню и тащил за накинутый на плечи ремень санки. Олег, видя такое несправедливое разделение нагрузки, несколько раз предложил тащить сани, но вскоре понял, что и без дополнительных усилий с большим трудом выдерживает заданный Григорием темп. Татьяна устроилась в санях с комфортом, сидя спиной в сторону движения, вытянув назад ноги и прижимая к себе рюкзак. Она, кажется, совсем успокоилась после пережитых волнений, твёрдо уверовав в то, что теперь-то уж все опасности позади, зачарованно рассматривала окружающие пейзажи и добродушно подтрунивала над мужем, когда он начинал хоть чуть-чуть отставать. Температура у неё так и не поднялась, что сильно обнадёжило Олега, и только приступы кашля, появившиеся вчера вечером, кажется, стали чаще и внушали беспокойство.

Погода стояла безветренная, с утра заметно потеплело, перепады высот пока встречались небольшие, и идти было бы совсем комфортно, если б не слишком высокий даже для Олега темп, заданный Григорием с самого старта. При этом Олегу казалось, что их проводнику каким-то чудом удаётся контролировать его, Олега, состояние, и именно в тот момент, когда делалось совсем нелегко, когда ноги отказывались идти, а частое загнутое дыхание становилось похоже на судорожный хрип, Григорий вдруг останавливался и, воткнув в снег палки, удовлетворённо изрекал: “А вот, пожалуй, и переродим маленько”. Поражаясь нечеловеческой силе и выносливости этого явно не молодого уже человека, Олег безуспешно пытался определить, сколько же может быть лет их неожиданному спасителю.

Уже надвигались серые унылые сумерки, и чёрно-белый пейзаж вокруг постепенно размывался, теряя контрастность, когда под ногами появилась вдруг едва различимая, почти засыпанная снегом лыжня. Григорий остановился, жестом попросил Олега подойти.

— Ну, вот и прибыли, — сказал он, снимая с плеч петли ремня от санок и передавая их Олегу. — Тут уж с полверсты осталось. Овраг впереди начинается, видишь? По-над ним-то эта лыжня и пойдёт. Как пихту кривую увидишь, что над оврагом свисает, считай, дошли вы — там метров сто левее и аккуратно к домику попадёте. Ну, да не заблудитесь теперь.

— А вы что же? — спросила Татьяна. — Не с нами? А отдохнуть, обогреться? Ночь ведь скоро.

— Мне, девочка, к людям нельзя пока, — после короткой паузы спокойно произнёс Григорий. — Рано ещё.

Он помог Олегу закрепить ремень, несколько секунд постоял в молчании, будто задумавшись о чём-то, взялся за палки и бодрым голосом добавил:

— Ну, ребятки, бывайте. У егеря связь есть, так что помощь он вам вызовет. А будете ещё в наших краях — осторожней тут. Парма великодушна, но уважения к себе требует от всех.

Так же как двое суток назад, он быстро исчез в темнеющем лесу, словно растворившись среди чёрных стволов деревьев.

— Похоже, поражать воображение доверчивых горожан — его любимое хобби, — нарушил Олег наступившее молчание.

— Перестань, — сказала Татьяна. — Он же нас вывел, спас, можно сказать. И между прочим, — добавила она с ноткой упрёка в голосе, — про болото он тоже предупреждал.

— Пока ещё он нас никуда не вывел, — буркнул Олег себе под нос. — Ладно, давай двигать, стемнеет скоро.

Квадратная железная печка наполняла небольшую комнату приятным теплом. Они сидели за грубо сколоченным деревянным столом и жадно выбирали из одной большой тарелки куски печёной оленины, присыпанные жареной картошкой. Перед каждым стояла алюминиевая миска с ароматным травяным чаем. Хозяин хижины — невысокий сухопарый мужчина лет пятидесяти, назвавшийся Андреем, в толстом вязаном свитере, с коротким ёжиком седых волос и подвижным, гладко выбритым лицом — сидел напротив, неторопливо попивал чай и с любопытством разглядывал гостей.

— Однако повезло вам, что на меня набрели. Или специально искали? Это ещё более чудно — я ведь сюда недавно перебрался, да и не афиширую кордон свой особо.

— Мы не набрали, — сказал Олег. — И не искали. Нас человек один сюда привёл. Станный очень. Сам вышел к нам, когда у нас проблемы начались. И раньше ещё к стоянке приходил, посидел чуть и ушёл куда-то на ночь глядя.

Андрей аккуратно поставил чашку на стол, посмотрел на Олега долгим пытливym взглядом.

— Вас привёл сюда Шатун? — тихо спросил он.

Супруги неуверенно переглянулись.

— Он вообще-то Григорием себя назвал. А вы знаете его?

— Григорием, значит, — задумчиво проговорил егерь, не обратив внимания на вопрос Олега. — Что ж, может и Григорий, кто теперь вспомнит.

Расскажите-ка, ребята, по порядку всё, что с вами произошло, а я пока ещё чайку заварю.

Олег выдал краткий и точный, без особых эмоций и ненужных подробностей отчёт об их преждевременно завершившемся походе, лишь на описании Григория остановился подробней, припомнив все странности его поведения и речей.

Андрей, успевший за время рассказа разлить по кружкам свежезаваренный чай, вновь сидел напротив, молча слушал, подперев голову рукой. Некоторое время после окончания рассказа в комнате стояла тишина, нарушаемая лишь ровным гудением пламени в печке.

— Вернулся всё-таки, — произнёс егерь с доброй и какой-то ностальгической улыбкой. — Два года не появлялся, я уж думал — не придёт больше.

— Послушайте, Андрей, — сказала Татьяна. — Я вижу, вы много про него знаете. Наверняка в курсе — кто он, откуда?

— Ошибаетесь, Таня, — егерь улыбнулся неприкрытому и жгучему любопытству, прозвучавшему в вопросе. — Про него никто практически ничего не знает. Он стал появляться в этих краях давно — лет пятнадцать назад, а может, и раньше, никто не помнит уже. В основном зимой, его потому и прозвали — Шатун. Причём видели его и, тем более, разговаривали с ним в основном туристы, и, что характерно, — Андрей поднял вверх указательный палец. Ему, истосковавшемуся в лесной глуши по человеческому общению, явно доставлял удовольствие неподдельный интерес, с которым гости слушали его рассказ. — Почти всегда это были туристы, у которых, как и у вас, случались какие-то проблемы. А случаяев таких у нас немало было, особенно в последние годы. Народ самонадеянный пошёл, отчаянный, глупый. Подготовки никакой, ничего не умеют, а туда же — в Парму идут, на горы лезут. Иной думает, что, раз на выходные с рюкзачком выбирался куда — уже турист. А тут им не лесок у дачного посёлка, тут...

— Так что, Шатун этот, выходит, многим помог так же, как нам? — спросила Татьяна, возвращая увлечёвшегося собеседника к интересующей её теме.

— Многим — не многим, а случалось. Кто-то поморозится, кто-то заплутает, кто-то с горы неудачно съедет, а кто-то и на восхождении поломаётся.

— А где он живёт? — спросил Олег. — Должно же у него быть место какое-то, не медведь же, в самом деле.

— Вот это — вопрос. Все, кто его видел, рассказывают примерно то же, что и вы: из леса пришёл, в лес ушёл. Слышал, я, что видели его как-то в одном из селений манси, может, и у них прижился, не знаю. Но, думается мне, в любом случае в Парме он себе уют обустроил где-то, странно только, что никто до сих пор на него не наткнулся.

— Значит, о том, кто он, ничего не известно, — разочарованно проговорил Олег.

Андрей поднялся из-за стола, распахнул дверцу печки, поворошил кочергой угли, закинул несколько свежих поленьев из сложенной рядом связки, неторопливо вернулся на своё место.

— Люди, конечно, разное говорят, — начал он тихим голосом, словно готовя гостей к важному откровению. — И я раньше всякое себе представлял, когда про Шатуну слышал. А потом случай один вспомнил — словно озарение пришло, всё один к одному сложилось. В общем, сдаётся мне, понял я, кто такой этот Шатун.

Он победно посмотрел на гостей, наслаждаясь произведённым эффектом, отхлебнул чай и неторопливо продолжил:

— Давно это было, в конце восьмидесятых ещё. Группа одна из Еката — Свердловска по-тогдашнему — прибыла на маршрут. Да и не маршрут даже — так, прогулка лёгкая, их на третий день должны были забирать, с ними и дети были, так что далеко в Парму они не собирались. Руководитель у них был из турклуба какого-то вроде, а с ним жена его и сынишка двенадцатилетний. Ну, встали, значит, на обед аккуратно под перевалом, им-то наверх и не нужно было вовсе, просто полянку удобную приметили. Костерок, понятно, запалили, обед готовить начали. У руководителя их, видать, кровь взыграла — силы дурной неистраченной много, гонору много, ума бы

только добавить. Пойду, говорит, пока вы тут прохлаждаетесь, на перевал поднимусь да скачусь оттуда. На следствии потом говорили, будто отговаривали его все, да какое там — лыжи за спину и полез. Покажу, говорит, класс горнолыжный. И чего показать хотел, на беговых-то? В общем, поехал он, — а апрель уже стоял, припекать начало, — подрезал наст, ну, и пошло за ним. У нас тут, понятно, не Кавказ, лавины не те, но с некоторых склонов, особенно весной, может прилететь — мама не горюй. В итоге и накрыло-то не всех, несколько человек вообще в стороне оказались — дрова, что ли собирали? Кинулись они откапывать, а снег сырой, тяжёлый, под таким долго не протянешь. Героя нашего откопали — он синий уже весь и не дышит, хорошо, фельдшер в группе оказался, смог на месте откачать. Остальные почти все испугом отделались, их краем зацепило, намертво не засыпало. А вот жену руководителя с сыном долго не могли найти. Потом нашли — она, говорили, сына обняла, будто спиной своей прикрыть хотела. Так и лежали вместе. Поздно нашли, в общем.

Ну, руководителя группы, понятно, под суд отдавать собрались, но только трудно его судить оказалось — умом он малость повредился. Врачи сказали: от кислородного голодания — он же задохнулся почти под снегом — в сочетании с нервным потрясением от гибели родных. Врачам-то оно видней, конечно, может, и повредился умом, только мне кажется, наоборот — он поумней некоторых стал после всего этого. И к тому же времена начинались либеральные, строгости-то во многом поубавилось. В общем, как выпустили его из СИЗО, так он и исчез. Никто его больше не видел, да и сам этот случай забыли вскоре.

— Вот такая история, — многозначительно посмотрел на гостей Андрей. — Ну, а через несколько лет вдруг появляется у нас в Парме этакий хранитель. Можно сказать, что-то вроде меня, — он весело усмехнулся. — Только я всё больше зверё тут охраняю, а он, так получается, людей.

Крытый брезентом кузов гусеничного ГАЗ-71 был наполовину завален ящиками с инструментом и оборудованием, канистрами с бензином, большими баулами с тряпьем непонятого назначения. Пахло машинным маслом, разогретым металлом и ещё чем-то неприятно затхлым. Плюясь сизыми клубами выхлопа, натужно взрѣвывая на подъѣмах изношенным мотором, выбрасывая из-под гусениц комки спрессованного снега, старый вездеход, как страшный сказочный зверь, упрямо пѣр вперед по самой опушке заснеженного редколесья.

Татьяна расположилась у правого борта, в брезенте которого было сделано небольшое прямоугольное окошко, на сиденье, обтянутом потѣртым дерматином, с неудобной низкой спинкой. Олег сидел напротив и, несмотря на частые крены и наклоны машины, умудрялся дремать. Они направлялись в Инту, скоро должно было начаться какое-то подобие дороги, и тогда тряска заметно уменьшится.

Вездеход накренило на левый борт, и Татьяна невольно прижалась боком с обитому металлическими лентами деревянному ящичку. Она почувствовала, как что-то больно упѣрлось ей в бедро, опустила руку в карман, и пальцы наткнулись на какой-то маленький, деревянный на ощупь предмет. Татьяна вытащила руку и потрясѣнно уставилось на то, что лежало на её ладони. Странно, но сейчас, даже в сумраке брезентового тента медведь почему-то не выглядел злобным или агрессивным, напротив, казалось, он приоткрыл зубастую пасть в добродушной улыбке, а в глазах его почудились искорки игривого веселья. “А будете ещё в наших краях — осторожней тут”, — вспомнилось вдруг.

Татьяна загадочно улыбнулась, убрала амулет в карман и стала смотреть в окно на проплывающую мимо тайгу. С её губ ещё не сошла задумчивая полуулыбка, когда в глубине леса ей вдруг привиделась одинокая человеческая фигура в огромном и нелепом полушубке, застывшая среди редких стволов. Человек стоял, опираясь на лыжные палки, издали наблюдая за удаляющейся ревущей машиной.

А может быть, ей это только показалось.